

А. ВИЙРЕС

ДЕРЕВООБДЕЛОЧНОЕ РЕМЕСЛО
В ЭСТОНСКОЙ ДЕРЕВНЕ
(X — XX вв.)

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Diss. Tart. 300899

Тарту 1955

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

А. ВИЙРЕС

ДЕРЕВООБДЕЛОЧНОЕ РЕМЕСЛО
В ЭСТОНСКОЙ ДЕРЕВНЕ
(X — XX вв.)

АВТОРЕФЕРАТ

ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

kr. dok. P. Paldre
12. 8. 55 — autokoll.

Тарту 1955

AMERICAN ...
...
...

A. B. ...

...
...
...

...

...

...

①
To
Re

48552A

Согласно марксистскому пониманию история общества является, прежде всего, историей развития производительных сил и производственных отношений людей. До настоящего времени многие вопросы развития производства еще недостаточно изучены. Особенно слабо мы знаем историю сельского ремесленного производства, в котором большое место занимала обработка дерева, изготовление из дерева необходимых орудий труда и утвари.

Настоящее исследование является первой попыткой проследить развитие деревообделочного ремесла в эстонской деревне, начиная с периода возникновения феодальных отношений, X—XII вв., до настоящего времени. Главное внимание исследования направлено на выяснение развития техники деревообделочных работ, а также на прослеживание процесса общественного разделения труда в деревообделочном ремесле.

Как известно, уже в давние времена происходил широкий обмен техническим опытом, поэтому техника у разных народов на обширных территориях имеет сравнительно сходный характер. И все-таки, при исследовании технических деталей можно уяснить себе ряд местных особенностей и проследить культурные связи между населением разных территорий. Результаты исследований советских археологов, в особенности Б. А. Рыбакова и Б. А. Колчина, за последние годы ярко показали, что углубление в вопросы техники позволяет подчас сделать весьма существенные выводы исторического характера.

Хотя простейшие отрасли деревообделочного производства очень долго сохраняли характер домашней промышленности, тем не менее уже в ранний период феодализма из среды эстонского крестьянства стали выделяться по отдельным специальностям ремесленники. Впоследствии мелкое товарное производство (кустарные промыслы) по обработке дерева приняло гораздо более широкие размеры, чем в любой другой отрасли ремесла. Ввиду этого изучение развития деревообделочных промыслов имеет немаловажное значение для выяснения истории хозяйства и социальных отношений в эстонской деревне.

Диссертация охватывает 493 страницы машинописи и распадается на три раздела. Из них первый является введением, во втором рассматривается техника деревообделочных работ, в третьем — развитие общественного разделения труда в сельском деревообделочном производстве. Работа иллюстрирована 170 фотоснимками, чертежами и картами и содержит также библиографию.

Во введении прежде всего дается краткий обзор историографии вопроса. В старой эстонской этнографической литературе не уделялось сколько-нибудь значительного внимания ремеслу в эстонской деревне, в том числе и деревообработке. Некоторый свет проливает на этот вопрос труд А. Биленштейна «Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten» (1907—1918 г.), в котором, между прочим, рассматривается также и техника обработки дерева у латышских крестьян, которая во многом очень близка соответствующей технике у эстонцев. Начиная с последней четверти XIX в. встречаются и краткие, опубликованные главным образом в периодической печати, обзоры эстонских кустарных промыслов, в которых, однако, этот вопрос не освещается исторически.

Настоящая работа, в первую очередь, базируется на этнографическом материале XIX и XX веков, наряду с которым используются также данные письменных источников, археологии, лингвистики и другие материалы.

Большая часть этнографического материала собрана автором в ходе полевых маршрутов по разным районам кустарных промыслов Эстонии в 1946—1949 и 1954 годах. В диссертации использованы фонды Этнографического музея Академии наук ЭССР в Тарту. Привлечены также соответствующие материалы по другим народам СССР, в частности, русские и белорусские коллекции Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

Значительная часть данных по XVII—XVIII вв. почерпнута автором из архивов, в первую очередь, из Центрального государственного исторического архива ЭССР в Тарту. Освещение древнейшего периода, X—XIII вв., основывается, главным образом, на материалах Археологического музея Института истории Академии наук ЭССР в Таллине. Во многих случаях существенные заключения позволил сделать этимологический разбор связанной с обработкой дерева терминологии.

Во втором подразделе введения — «Роль деревообделочного ремесла в жизни крестьянства» показано, как обработка дерева в эстонской деревне, вплоть до XIX века, носила, по преимуще-

ству, характер домашней промышленности. Большую часть своих орудий труда и предметов обихода крестьяне эстонской феодальной деревни изготовляли сами. В районах, в хозяйственном отношении отсталых, особенно на островах, домашнее производство упорно сохранялось еще и в период капитализма.

Органическое развитие ремесла было заторможено установлением в Прибалтике господства немецких феодалов в начале XIII в. Большинство ремесел в городах на много столетий захватили в свои руки немецкие ремесленники, организовавшие в закрытые цехи и ревностно следившие за тем, чтобы их мастерство не попало бы, чего доброго, в руки «не-немцев». Последствием преобладания немцев в городском ремесле на протяжении веков было проникновение в эстонский и латышский язык немецкой ремесленной терминологии. Фактически немецкое влияние на развитие ремесла в эстонской деревне было, как показано в настоящей работе, значительно меньше, чем это прежде предполагалось на основании распространения немецких терминов.

* * *

Второй раздел — «Техника обработки дерева» — состоит из десяти глав.

1-я глава дает обзор о поделочном лесе и его заготовке. Естественно, что в качестве поделочного леса использовались широко распространенные в эстонских лесах породы: сосна, ель, береза и осина. Ввиду того, что в Эстонии сравнительно редко встречаются дуб, ясень, клен, ильм, — эти породы шли только на специальные цели, главным образом, на изготовление деталей, требовавших особой прочности (спицы и копылья, деревянные тележные оси, втулки, деревянные гвозди и т. д.). В частности, выбор древесных пород для той или иной цели и приемы их обработки указывают на хорошее знание технических свойств каждой породы.

Во 2-й главе прослеживается история важнейших орудий для обработки дерева. Основными инструментами в X—XII веках являлись топор, тесло, нож, ложкарка, скобель, сверло, долото, к которым в позднейшие столетия прибавились различные виды пил и стругов.

Топор (*kirves* < балт.) был основным универсальным инструментом по обработке дерева на протяжении всего феодального периода. Еще в первой половине XIX в. лесоразработка проводилась по преимуществу топором. Топором раскалывались бревна на доски. Широко использовался топор и для обтесывания поверхностей.

Эстонские топоры феодального периода по типу своему, как правило, сходны с русскими топорами. Древнее название топора, часто встречающееся в народных песнях — *tapper* — русского происхождения (< русск. *топор*). До XVII в. преобладал в Эстонии топор с выемкой и опущенным лезвием. Начиная с XVIII в. стал преобладать русский топор с широким симметричным лезвием. Подобные топоры в Эстонии были нередко привозными. Фабричные топоры XX века имеют тот же тип.

С течением времени из топора возник целый ряд специальных орудий, в том числе широко используемое на долбежных работах в XIX веке тесло (*künakirves*, дословно «корытный топор»). Этот инструмент соответствует подобным орудиям у восточных славян и вошел в употребление, повидимому, уже в ранне-феодальный период.

Вторым универсальным инструментом по обработке дерева был нож. Типы ножей, использовавшихся в Эстонии вплоть до прошлого века, частично и до настоящего времени, были известны уже в I тысячелетии. Эти ножи очень сходны по своей форме с ножами у других народов Восточной Европы. Только на западных островах Эстонии и западном побережье материка встречались с давних пор ножи несколько отличного типа.

Нож также послужил началом для ряда специальных инструментов. Ложкарка с кривым лезвием (*lusikanuga*, дословно «ложкарный нож») была известна в Эстонии уже в начале I тысячелетия. Древним является также второй долбежный инструмент с кривым лезвием — скобель (*voolmed*, от глагола *voolima* — 'строгать'). Несколько скобелей первой половины I тысячелетия найдено в Латвийской ССР. В Восточной Эстонии (быв. Тартумаа и Вырумаа, а также Алутагусе) в XIX в. преобладали скобели с двумя ручками, являвшиеся типичными и для русских, латышей и восточных финнов. В Западной Эстонии применялись, как и в Западной Финляндии и в Скандинавии, скобели с раздвоенной вилообразной рукояткой.

Отверстия либо выжигались, либо сверлились. Для сверления наряду с обычным шилом, повидимому, уже в глубокой древности применялось смычковое сверло. В XIX веке им пользовались еще для сверления чубуков. Из более крупных инструментов для сверления, по всей вероятности, к X—XII вв. входят ложковидные сверла (*oherd*) с деревянными ручками нескольких видов. Характер ручки различается в Западной и Восточной Эстонии. Для западных островов и северо-западного побережья материка характерна ручка своеобразной примитив-

ной конструкции. В прошлом веке в каждой крестьянской семье обычно имелось не менее двух ложковидных сверл (одно для сверления отверстий для спиц, другое — для копыльев) и, сверх того, небольшой коловорот (*vinnal*).

В середине XIX в. получили распространение новые, фабричные (винтовые и центровые) сверла, носившие и новое название *puur* (< нем.). Только на островах, в Северо-Западной Эстонии и в Алутагусе еще в наши дни изредка применяются старинные сверла.

Пила, повидимому, была чужда эстонской технике обработки дерева в период раннего феодализма. В последующие столетия феодального периода от городских ремесленников были восприняты отдельные виды небольших пил (напр., уторник, применявшийся при изготовлении деревянной посуды). В связи с этим в эстонский язык вошло название пилы *saag* (< средне-нижненем. *sage*). Во второй половине XIX в. на лесоразработках и распиловке бревен быстро распространилась большая поперечная пила, а на строительных работах и продольная пила. Распространению обоих видов пил в эстонской деревне содействовали русские отходники. Использование ими продольной пилы упоминается уже в начале прошлого века; подобные пилы нередко приобретались у русских странствующих торговцев или направлялись русскими отходниками-точильщиками. С начала XX в. с расширением сети механизированных лесопилен продольная пила стала исчезать. В советских условиях поперечная пила быстро отступает, на лесоразработках перед механическими пилами.

Струг, этот типичный инструмент в столярном деле средневекового города, очень медленно приживался в деревне. Но в первых словарях эстонского языка встречается его название — *höövel* (< нем.). Из стругов в эстонскую деревню первыми проникли, очевидно, фуганки, использовавшиеся в бондарной технике; на западе Эстонии они имели и свое эстонское название *lūke* (от глагола *lūkkama* — 'толкать, строгать'). Другой струг, распространившийся до XIX в., повидимому, был небольшой рубанок. Остальные многочисленные виды стругов были известны преимущественно в столярном деле; из них в распоряжении сельских плотников было максимально 3—4 вида.

Строгали в XIX в., главным образом, на простых низких скамьях, сидя на них. Подобные скамьи бытовали вплоть до рубежа XIX—XX вв. также у русских кустарей; ранее они применялись и городскими ремесленниками. Современный стро-

гальный станок получил более широкое применение в эстонской деревне только в конце XIX в.

Время появления долота, столь необходимого в технике скрепления шипами, в Эстонии не может быть еще точно определено. Возможно, что металлические сверла на некоторое время оттеснили этот старинный инструмент. Особенно широкое распространение долото получило в столярном деле в период феодализма, когда шиповые соединения стали весьма обычными. Близкие к долоту по способу применения большие долотообразные инструменты для долбления, так называемые *tarutiur* (пешня) и *umtikuraud* (долото для долбления посуды) были широко известны уже в начале II тысячелетия в Восточной Европе и использовались при долблении бортей и деревянной посуды.

Деревообделочными работами эстонские крестьяне обычно занимались в жилой комнате. С появлением отдельных кухонь во второй половине XIX в. эти просторные помещения зачастую превращались в мастерские. Специальное помещение для мастерской отводилось иногда на Сааремаа.

В 3-й главе освещаются изготовление предметов из цельного дерева и долбежные работы, обычные в крестьянском домашнем производстве до 2-й половины XIX в. Общеупотребительны были изделия из дерева с натуральным разветвлением (вилы для сена, навоза и т. д., мутовки, крюки стенные, мотвила и т. д.). Широко использовалась копань березы и ели — на ползья, клешни, шпангоуты для лодок, льномялки.

Среди крестьянской утвари феодального периода встречается множество деревянной долбленой посуды. В связи с этим в крестьянском хозяйстве имелся набор специальных орудий для долбежных работ (ложкарка, скобель, тесло и т. д.). Корыта для свиней и водопойные колоды выдалбливались из ствола сосны, квашни — из дуба или ели. На мелких внутренних водоемах пользовались для передвижения по воде колодами, а на больших реках осиновыми лодками-однодеревками с распертыми краями. Эстония расположена на западной границе распространения этого типичного для Восточной Европы и Северной Азии древнего средства передвижения по воде.

Широко использовалась в хозяйстве долбленая посуда с вставными днищами (бочонки, кадки, чаны и т. д.). Дно вставлялось в утор, выпиленный уторником с 3—4 зубьями. Уторники имели большей частью ручку той же формы, как и у русских; ручка другого типа употреблялась на Сааремаа. Прежде чем вставить дно из сухого дерева, выдолбленную колоду кипя-

тили или замачивали, чтобы она разбухла; ссыхаясь, колода крепко схватывала дно.

Ныне техника долбления в эстонской деревне почти совсем забыта. Основным фактором исчезновения этой древней техники явился переход от натурального хозяйства к товарному и отмирание домашнего ремесла, к сфере которого, в основном, и относились долбежные работы.

В 4-й главе дается обзор бондарных изделий и их изготовления в Эстонии. До прошлого столетия эстонское крестьянское хозяйство пользовалось многими различными видами бондарной посуды. В числе наименований ее в эстонском и латышском языках много заимствованных в период феодализма немецких слов, на основании которых Биленштейн считал бондарное мастерство целиком заимствованным у немцев. Фактически же среди эстонских названий бондарной посуды имеется ряд собственных слов. В частности, наименования многих деталей посуды и связанная с техникой их изготовления терминология — эстонская. Изготовление бондарной посуды в прошлом столетии в эстонской деревне было общераспространенным. В число повинностей крестьян на многих мызах входила поставка бондарных изделий господскому хозяйству. Именно изготовление бондарной посуды разрослось в Эстонии из домашнего ремесла в один из первых крестьянских кустарных промыслов. Деревянные пивные жбаны (кружки), богато украшенные резьбой и выжженным орнаментом, стали выдающимися произведениями эстонского народного искусства.

Все это, а также найденные в Таллине остатки деревянной посуды XIII века, как и археологические материалы с соседних территорий, позволяют сделать вывод, что изготовление бондарной посуды в Эстонии было известно уже в X—XII вв. Уже в этот период в Эстонии, как и в других странах северного побережья Балтийского моря, уторный паз нарезался на каждой отдельной клепке специальным ножом-уторником (*uurdenuga*). Этот метод бытовал здесь вплоть до XIX—XX вв., между тем как в большей части остальной Европы, в том числе и в России, утор нарезался (как и у долбленной посуды) соответствующей пилкой после сборки клепок в остов сосуда. В Эстонии пилкой-уторником пользовались, главным образом, бондари при изготовлении двухдонных бочек и кадок. Повидимому, последний метод проник в деревню из городского ремесла.

В связи с изменением экономики и быта спрос на бондарную посуду на протяжении последнего столетия постепенно падал.

Соответствующее мастерство утеряло свой общенародный характер. Бондарные работы к концу XIX в. почти полностью сосредоточились в руках ремесленников-кустарей.

В 5-й главе рассматриваются различные гнутые изделия из обечек, т. е. тонких осиновых ободков, изготовление которых восходит в Европе к весьма отдаленному прошлому. Своим началом оно связано, повидимому, с изготовлением посуды из древесной коры.

Среди предметов обихода эстонских крестьян в период феодализма весьма обычными были гнутые лукошки и коробка различной величины. Более крупными из них были севалки и богато украшенные резьбой или выжженным орнаментом коробка для свадебных подарков (*veimevakk*). Коробки поменьше служили для хранения украшений и разных женских безделушек. Сюда же относятся коробки, в которых брали с собой салаку и масло на барщину или в поездку. Гнутый обод имели также решета и грохота. Эстонская техника изготовления решет далеко отставала от русской — русские кустари ткали сетки для решет на соответствующем станке, какого не знали эстонцы. Следует отметить, что в Восточной Эстонии решета изготовлялись главным образом местным русским населением.

Изготовление лукошек, решет и других гнутых изделий в прошлом веке в Эстонии сосредоточилось, главным образом, в руках кустарей и ремесленников. Техника изготовления этих предметов у эстонцев имеет много исконных общих черт с русскими (и финскими) соседями. На островах и на северо-западе Эстонии соответствующая техника имеет известные связи с западной Финляндией, Швецией и, повидимому, с Курземе (Курляндией).

Эта техника при капитализме постепенно пришла в упадок. В начале текущего века в небольшой мере сохранилось лишь изготовление лукошек и решет.

Предметы из гнутого дерева пользовались весьма широким распространением в эстонской деревне. Часто этим способом изготовлялись, в особенности, средства передвижения, рассмотрению которых посвящена 6-я глава.

Для Эстонии характерна упряжка с дугой. Эстония лежит на западной границе распространения этого древнего восточно-европейского типа упряжи. Название дуги *look* заимствовано из русского языка (< р. *лук*) и означает любую дугу. Для материковой части Эстонии характерны розвальни восточно-европейского типа с гнутыми полозьями. На островах распростране-

ны розвальни другого типа, который первоначально имел полозья из копани.

Тележные колеса в Эстонии в подавляющем большинстве имели обод, составленный из пяти частей. Гнутый (ясеновый) обод распространился до некоторой степени в восточной и юго-западной Эстонии только на протяжении двух последних столетий. Гнутый обод изготовлялся местными кустарями на востоке по русскому, а на юго-западе — по латышскому образцу.

Названные гнутые предметы изготовлялись обычно соответствующим мастером. Только дуга гнулась до XIX в. большей частью домашним способом. Полозья, ободья и дуги гнулись на специальных гибалах из толстых древесных стволов или брусьев. Гибала находились обычно во дворе, на земле. Они очень сходны с такими же русскими гибалами. Перед гнутьем дерево некоторое время мочили, а затем парили в печи, риге или бане; иногда его кипятили в колоде с раскаленными камнями. На рубеже XIX—XX вв. нашли распространение длинные сбитые из досок парильные ящики, устанавливаемые на водяной котел.

Гнутый полоз, обод и дуга явились результатом развития технической мысли, шедшей в одном и том же направлении. Убедительнее всего доказывается это более или менее полным совпадением территории распространения всех этих трех предметов в Восточной Европе. То, что в Прибалтике они не получили одинакового распространения (дуга не известна в западной Курземе, гнутый обод — в большей части Эстонии, гнутый полоз же еще в конце XIX в. был редким явлением на северо-западе Эстонии), свидетельствует о том, что способ их изготовления первоначально здесь был неизвестен и проник сюда с востока.

7-я глава рассматривает различные мелкие деревянные поделки, изготовлявшиеся, в основном, ремесленниками и кустарями. Корзины из сосновой драни были известны по всей Эстонии, но особенное распространение среди населения они получили в восточных районах, в бывших Вырумаа, Алутагусе и причудских русских деревнях. Отметим, что расположенные по соседству Петербургская и Новгородская губернии в XIX в. являлись крупнейшими в России центрами плетения корзин из драни.

С распространением курения табака в Эстонии, с XVII в. началось изготовление трубок. Выделка курительных трубок в XIX в. образовала значительную отрасль кустарных промыслов. Изготовление деревянных берд было делом странствующим.

щих ремесленников. Вплоть до появления заводских берд в конце XIX в. эта работа оставалась на примитивном техническом уровне.

В 8-й главе показывается, что первые изделия, выточенные на токарном станке, появились в Эстонии, повидимому, в X—XII вв. Токарное дело с самого начала было выделившимся ремеслом. Главными токарными изделиями до XVII в. были блюда и чашки, изготовлению которых эстонцы, очевидно, научились у русских и балтийских соседей. На это указывает заимствование из русского и латышского языка их названий (*liud* < р. *блюдо*, *vaagen* < р. *ваганки*, *kauss* < лат. *kausis*). Токарный станок в этот период имел, вероятно, ножной привод от пружины; подобный станок местами сохранился в Эстонии до последней четверти XIX в.

В XVIII в. первое место в токарных работах заняло изготовление самопрялок, в связи с чем на деревне появлялось все больше токарей. В этот период стал распространяться токарный станок большей производительности с маховым колесом, вращаемым ручкой; к концу XIX в. появился станок с массивным маховым колесом под станком, приводимым в движение ногой. В начале XX в., с развитием текстильной промышленности, спрос на самопрялки стал быстро падать. Ввиду этого в деревне пошли вспять и токарные работы, сохранившие некоторое значение лишь в тележном промысле (изготовление колесных ступиц).

9-я глава дает обзор развития столярной техники в эстонской деревне. Простейшие приемы, характерные для соединения отдельных деревянных деталей в теслярной технике (шовное, втулкой или клиновое), без сомнения восходят в Эстонии к первобытно-общинному строю; соединение на простом шипе и пазовое соединение были известны, по всей вероятности, не позднее X—XII вв. Все эти способы соединения мы встречаем и в крестьянском кустарном промысле в XIX веке.

Некоторые более сложные работы, в первую очередь, изготовление сундуков (в котором вплоть до XIX в. сохранилась очень древняя техника, ее можно сравнить со столбовой конструкцией саркофагов), уже в период феодализма были делом плотников. Профессиональное столярное ремесло, характеризующееся разнообразным инструментарием и огромным количеством деревянных соединений, нашло в эстонской деревне себе почву только в условиях капитализма, начиная с середины XIX в. Оно стало развиваться по мере того, как стала появляться новая, городского склада мебель в зажиточных слоях кре-

стьянства. В обязанности столяров на селе входило также изготовление дверей и окон для жилых домов нового типа, изготовление ткацких станков, льномялок, гробов и т. п.

В 10-й главе дана краткая сводка процесса развития деревообделочной техники в эстонской деревне.

Уже в период зарождения феодализма, в X—XII вв., деревообделочная техника в Эстонии достигла значительного уровня развития. Домашнее ремесло и кустарные промыслы в своей большей части не превзошли этого уровня до XIX в. Древняя эстонская деревообделочная техника имела много общих черт с соответствующей техникой соседних народов — русского, латышского, литовского и финского. Общими были основные орудия труда, широкое использование гнутых конструкций; сходна, повидимому, также и токарная техника. Особенно на западе республики в технике обработки дерева прослеживаются некоторые общие черты с Западной Латвией, Юго-Западной Финляндией и Швецией (например, обод из пяти частей, бондарная техника, шов из пера на гнутых коробках и др.). Ряд различий в технике, сохранившихся вплоть до XIX в. между большей частью материка Эстонии и островами, повидимому, отражает коренные племенные особенности.

Вторжение немецких феодалов в XIII в. затормозило развитие местного ремесла. В течение всего периода феодализма деревенское ремесло развивалось исключительно медленно. Существенные изменения в обработку дерева внесло появление пилы и струга, получивших более широкое распространение в деревне только в XIX в. Вообще же технические приемы и орудия городского ремесла распространялись на селе в период феодализма мало. После присоединения Эстонии к России в начале XVIII в. в развитии технических навыков эстонского крестьянства существенную роль сыграли многочисленные странствующие русские мастера-отходники, которые имели значительно более тесную связь с крестьянством, чем немецкие цеховые ремесленники.

С развитием капитализма во второй половине XIX в. произошел перелом и в деревообделочной технике на деревне. Перед быстрым развитием денежно-товарного хозяйства отступила домашняя промышленность натурального хозяйства с ее примитивной техникой, стали употребляться фабричные орудия и т. д. В связи с развитием профессионального ремесла в деревне стали распространяться орудия и технические приемы городского ремесла. Упорнее всего старинная техника сохранялась в крестьянских кустарных промыслах.

Переход к социализму принес с собой коренные изменения. В связи с реорганизацией крестьянской жизни на коллективных началах и бурным развитием социалистической промышленности быстро исчезает большая часть сохранившихся до этого отсталых технических навыков и орудий. В условиях колхозного хозяйства в употреблении сохраняется лишь комплект основных орудий, узко-специальные же инструменты исчезают.

* * *

В третьем разделе прослеживаются процессы обособления ремесла и развития деревообделочных кустарных промыслов в деревне.

В 1-й главе «Деревенские ремесленники» рассматривается история отдельных групп ремесленников по обработке дерева.

Первые сведения письменных источников о ремесленниках-древододелах в эстонской деревне восходят к XIV—XV вв. Плотник (*puusepp* — 'древодел') — ремесленник с универсальными навыками — выделился по всей вероятности до захватнического вторжения немцев в начале XIII в. В отличие от русского плотника, в круг его обязанностей в период феодализма не входило строительство. Эстонские крестьяне (в первую очередь их зажиточная верхушка) стали использовать помощь плотников на строительных работах, в основном, только со второй половины XIX в. На мызах, по крайней мере с начала XVIII в., работали преимущественно русские плотники-отходники. В связи с этим в эстонский язык вошло русское слово *plotnik*.

Наряду с плотником в эстонской феодальной деревне с постепенной специализацией ремесла появился ряд других ремесленников. Известный шаг вперед обособление сельского ремесла сделало, повидимому, к XVI веку. В источниках начала XVII в. довольно часто встречаются колесники и бондари; источники XVIII в. нередко упоминают также токарей и столяров. Последние обслуживали в то время мызу. Только с развитием капитализма во второй половине XIX в. столяры стали находить работу в деревне.

В общем эстонское деревенское ремесло периода феодализма было мало дифференцировано и стояло на низком уровне. Развитие его задерживалось, в первую очередь, господствовавшим рутинным натуральным хозяйством и общей нищетой жестоко эксплуатируемого крестьянского населения. Так как деревня одна не могла в достаточной степени обеспечить зара-

ботком ремесленников, то большинство из них работало и на мызу.

Проникновение в деревню капиталистических отношений в XIX в. обусловило ликвидацию замкнутости натурального хозяйства и существенный перелом в истории деревенского ремесла. Начавшееся во второй половине XIX в. развитие ремесла на селе, однако, в результате быстрого распространения промышленной продукции, расширения торговли и транспорта уступает вскоре место новому спаду. В период между 1881—1937 годами общее число ремесленников, занимавшихся в деревне обработкой дерева, сократилось примерно на 45%.

Этот большой количественный спад ярко отражает сокращение спроса на соответствующие ремесленные изделия. Особенно сильно сократилось токарное производство (число токарей за это время уменьшилось на 84,5%). Число бондарей упало на 74%; в этой отрасли ремесла устояли, главным образом, местные мелкие кустари.

Ремесло в деревне, даже при капитализме, было тесно связано с земледелием — еще в 1937 году 64 процента всех ремесленников, занятых обработкой дерева, занимались, как подсобным делом, земледелием.

В условиях феодализма в деревне труд оплачивался, в основном, зерном; такая оплата, наряду с денежной, упорно сохранялась и позже, особенно оживая в тяжелые годы войн. Многие деревенские ремесленники и в дальнейшем насчитывали денежную оплату на основании старых натуральных норм.

Хотя большинство деревенских ремесленников жило как полупролетарии, все же и в их среде происходило расслоение, выделение немногочисленной зажиточной верхушки. Положение же большей массы ремесленников год от года ухудшалось, особенно в XX в., с ростом капиталистической промышленности, вытесняющей мелкие предприятия.

Отмеченный выше рост деревенского ремесла по обработке дерева в условиях капитализма сам по себе сыграл относительно незначительную роль в развитии капиталистических отношений в деревне. Это объясняется тем, что «ремесло характеризуется такой же рутинностью, раздробленностью и узостью, как и мелкое патриархальное земледелие» (В. И. Ленин, Сочинения, 3 том, стр. 287).

Вступление крестьянства Советской Эстонии на путь коллективного хозяйства отняло всякую почву у отжившего обособленного ремесла. Навыки бывших деревенских ремесленников используются сейчас на социалистических деревообделочных

предприятиях, оснащенных современной техникой и созданных в каждом районе для обслуживания населения и колхозов по изготовлению мебели, строительных деталей, средств перевозок и т. д. Навыки ремесленников сохраняют некоторое значение главным образом в текущих ремонтных работах в колхозах, где опять-таки на первое место выступает универсальный плотник.

Уже давно соперником деревенского ремесла стали развивавшиеся местами крестьянские кустарные промыслы, рассмотрению которых посвящена 2-я глава.

По статистическим данным XIX и начала XX веков Прибалтика по развитию крестьянских кустарных промыслов была одной из наиболее отстающих областей России. В результате этого многие изделия русских кустарей находили сбыт в Эстонии. Из деревянных изделий сюда ввозились сита и решета, дуги, лакированные ставцы и ложки. Тем не менее в Эстонии, уже в условиях феодализма, возникло несколько значительных центров кустарных промыслов, главным образом по обработке дерева. Их изделия (бондарная посуда, самопрялки, колеса, курительные трубки) распространялись также в близлежащих Псковской и Петербургской губерниях.

Первые документальные сведения о кустарных деревообделочных промыслах в Эстонии имеются с начала XVIII в. Судя по некоторым другим данным, эти промыслы в известных районах (волость Авинурме, на южном краю Алутагусеского лесного массива в нынешнем Муствеском районе, а также богатый лесом остров Хийумаа) восходят, повидимому, к XVI—XVII вв. Из изделий кустарных промыслов источники XVIII в. упоминают деревянную посуду и санит-розвальни. Изготовление обечек и обтачивание деревянных чашек уже издавна также носили кустарно-промысловый характер.

В условиях капитализма в XIX в. возникли новые отрасли промыслов. Самым обширным в дальнейшем оставалось все же обслуживающее потребности широких слоев крестьянского населения бондарное производство с главным центром в Авинурме, где в 1860 годах насчитывалось круглым числом 1000 и еще в 1934 году около 700 кустарей. Здесь изготовлялась, в основном, простейшая хозяйственная посуда без всяких украшений. Авинурме был в Эстонии крупнейшим центром кустарных промыслов, далеко превосходившим по количеству кустарей все остальные.

В начале XIX в. в волости Хаанья, на юго-востоке Эстонии, широко распространилась выделка курительных трубок с главным рынком сбыта в близлежащих русских городах (Псков,

Остров, Порхов, Опочка и др.). Расцвет этого промысла, однако, завершился уже в середине столетия. В 1870-х годах в Хаанья работало лишь 30—40 кустарей. В последующее десятилетие это производство совсем заглохло, повидимому, в связи с введением нового табачного устава в России в 1882 году, который нанес удар, например, и соответствующему промыслу в Вятской губернии.

Во второй половине XIX в. приняло значительные размеры изготовление самопрялок, в особенности в соседней с Авинурме волости Тудулинна, а также в волости Коонга на западе Эстонии. Одновременно разрослись тележный, колесный и санный промыслы (важнейшие центры в волости Вальту, ныне Рапла-ский район, и в деревне Ассикувере на Чудском побережье).

Все центры кустарных промыслов характеризуются скудостью почвы и преобладанием крайне мелких земельных наделов — условия, в которых невозможно было прожить одним только земледелием. Почти все центры кустарных деревообделочных промыслов в Эстонии возникли в богатых лесом районах на базе местного сырья. Эти промыслы, напротив, не получили развития в основных земледельческих районах или в рыбацких поселениях на побережье. В этом ярко проявляется развитие общественного разделения труда среди крестьянства в зависимости от местных природных условий.

Техника и организация работы в эстонских кустарных промыслах оставалась на низком уровне и застыла в рутине, сохраняя еще в XX веке, в основном, тот же характер, что и при феодализме. Разделение труда выражалось, главным образом, в специализации кустарей по изготовлению известных видов изделий, зачастую целыми деревнями. Встречалось и разделение труда по отдельным операциям между членами семьи или по времени. Работа по найму встречалась очень редко. Наиболее зажиточные кустари в крупнейших центрах Авинурме и Вальту пользовались, особенно в XX в., наемной рабочей силой в своем сельском хозяйстве, занимаясь сами, в основном, промыслом и сливаясь, таким образом, с сельской буржуазией. Беднейшие же кустари поневоле запускали свое сельское хозяйство, что очень характерно, например, для Авинурме.

Наиболее ранней формой сбыта изделий являлся их обмен в окрестных деревнях на хлеб. Обмен на хлеб очень широко практиковался еще и во второй половине XIX в., особенно в мелких центрах. Однако первое место уже в XIX в. заняла ярмарочная торговля. С расширением рынка и производства во

второй половине XIX в. между кустарем и потребителем стал все чаще появляться скупщик. В Авинурме скупщиками стали местные владельцы крупных крестьянских хозяйств, которые с конца XIX в. распространили свою торговлю бондарной посудой на всю Эстонию. Авинурмеские скупщики захватили в свои руки даже сбыт изделий других близлежащих промысловых центров. Так из среды самих кустарей вырос торговый капитал. Параллельно с этим происходило расслоение кустарей, с одной стороны, на зажиточную кулацкую верхушку, с другой же — на массу все более бедневших мелких производителей.

Дальше этого развитие капиталистических отношений в эстонских кустарных промыслах не успело пойти. Не получили, по существу, развития работа на дому и простая капиталистическая кооперация. Таким образом, эстонские кустарные промыслы как в техническом, так и в организационном отношении сильно отставали от соответствующих промыслов в крупнейших ремесленных областях России, где капиталистическое развитие пошло значительно дальше.

Кустарный промысел, будучи переходным явлением от феодального производства к капиталистическому, должен был неизбежно отступить перед развивавшейся фабричной продукцией. Во второй половине XIX в., в связи с быстрым развитием товарного хозяйства, в деревне наблюдается оживление кустарных промыслов. Вскоре, однако, в некоторых их отраслях в результате быстрого изменения всего народного хозяйства и быта, наступил упадок. Уже к концу XIX в. в некоторых прежних центрах, например, на Хийумаа, в Хаанья и др. кустарные промыслы затухают. В XX же веке их движение вспять принимает еще большие размеры.

Ко времени восстановления в 1940 году в Эстонии советского строя были до некоторой степени жизнеспособными лишь две отрасли кустарных промыслов — бондарное производство в Авинурме и тележное — в Рапла (Вальту). Развитие социалистической промышленности и сельского хозяйства резко сузило потребность в изделиях старинного ремесла. На базе прежних промыслов были организованы советские промышленные предприятия, которые прочно влились в местную промышленность республики. Новым предприятиям обеспечены все возможности усовершенствовать методы производства и реорганизовать свою продукцию в соответствии с новыми запросами общества. Коренным образом преобразовались также жизнь и быт прежних кустарей. Бывшие кустари, жившие в вечной экономической неуверенности, стали советскими рабочими, которым

обеспечена не только постоянная работа и справедливая оплата труда, но и заботливое отношение общества.

Так отжили свой век последние остатки устаревшей техники и формы производства в нашем бурно развивающемся социалистическом обществе. Изучение старых форм производства, однако, говорит нам о неубывающей творческой силе трудового народа и ярко оттеняет тот огромный успех, которого добился наш народ за короткий социалистический период своей жизни.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00544855 2